

УДК 316.77

DOI: 10.17223/1998863X/37/20

**О.Е. Вербилович**

## **РЕЖИМЫ И ФОРМАТЫ ВИДИМОСТИ КАТЕГОРИИ ИНВАЛИДНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ**

*Раскрывается потенциал эвристических ресурсов теорий публичной сферы для социологического измерения категории инвалидности. Проведены границы между понятиями «публичный дискурс» и «публичная сфера», представлено сравнение классического и современных подходов к пониманию феномена. Рассмотрены вопросы, как и когда категория инвалидности появляется в публичной сфере, какие существуют эффекты и риски «опубликования» в разных режимах видимости и типах публичных пространств.*

*Ключевые слова: инвалидность, публичная сфера, публичный дискурс, семиотика видимости.*

### **Противоречия и границы академического дискурса теорий инвалидности**

Развитие современной медицины и технологий, умножение способов социального взаимодействия и форматов высказывания открывают сегодня такие измерения социального, которые не помещаются в рамки устоявшихся теоретических и методологических подходов. Среди этих измерений – феномен инвалидности. Инвалидность как медицинская категория и «иная социальность» всё плотнее соприкасается с повседневностью каждого человека. Причиной тому не только цифры, согласно которым в мире примерно каждый шестой человек в возрасте от 15 лет и старше имеет ту или иную форму инвалидности (15% населения) [1. С. 8]. Умножаются режимы и форматы видимости темы инвалидности в публичной сфере. Понятие инвалидности становится не только метафорой и инструментом, которым пользуются писатели и художники, журналисты и политики в конкуренции за новый образ и символическую власть, но и аналитическим инструментом научного знания, ресурсом переопределения норм социального, формирования индивидуальной и коллективной идентичности сообщества людей с инвалидностью.

Множественность смыслов, которые сегодня могут быть соотнесены с категорией инвалидности, является одновременно занятым аналитическим вызовом и главной трудностью теоретического и эмпирического измерения. В современных исследованиях инвалидности нет доминирующей школы или «мейнстримных» и «периферийных» парадигм. Исследователи всё чаще обращаются к преимуществам междисциплинарных подходов, пробуют представить разные грани феномена инвалидности в исследованиях медиа, постмодернистских и постструктуралистских моделях, в новых витках ревизии критической теории [2]. Сложность современных процессов коммуникации и многогранность фундаментальной дихотомии «ability» – «disability» заставляют исследователей обращаться к проблематике языка и семиотике

[3], пересматривать основания социальной модели и альтернативных подходов к пониманию инвалидности в поиске ресурсов для дискурс-анализа социально-политических нарративов о людях с инвалидностью в пространстве публичных дискуссий [4]. Ключевая методологическая проблема заключается в том, что каждая теоретическая модель инвалидности претендует на исчерпывающее объяснение, одновременно являясь инструментом активизма, политических и идеологических конструкций [5. Р. 541], зачастую теряя чувствительность к дифференцированному опыту людей с разными типами инвалидности в разных контекстах социального взаимодействия. Тем не менее стратегии понимания инвалидности в академическом дискурсе ложатся в основу законодательных актов и реформ, определяют выбор риторики в социальной сфере, политике, экономике, медиа.

По мнению автора данной статьи, интересной и одновременно непростой эвристической задачей является поиск теоретических и методологических ресурсов для понимания форматов и эффектов обращения к категории инвалидности в современной публичной сфере. Почему тема инвалидности становится все более заметной в диверсифицированных информационных потоках современного общества? Как категория инвалидности перемещается сквозь проницаемые границы частного и публичного? Какова динамика этих перемещений? Какие существуют пространства и режимы видимости? Какие акторы и каналы способствуют или препятствуют продвижению тем инвалидности?

### **Публичный дискурс и публичная сфера инвалидности**

Описывая отношения между понятиями «публичная сфера» и «публичный дискурс», займем позицию коллектива международных исследователей, которые в своем масштабном исследовании «Shaping Abortion Discourse from the 1960s to the mid-1990s. Democracy and the Public Sphere in Germany and the United States» предложили методологию изучения дискурсов аборт в публичной сфере Германии и США. Публичный дискурс понимается авторами как «публичная коммуникация по определенным темам и участвующие в этой коммуникации агенты, которые руководствуются интересами определенного поля деятельности или более широким репертуаром ценностей и убеждений» [6. Р. 9]. Помимо репертуара докс и аргументов, публичный дискурс включает в себя образы, метафоры и другие символические ресурсы. Публичные дискурсы производятся в определенных пространствах («форумах»), которые, как отмечает американский исследователь А. Адат, могут быть престижными (федеральные СМИ, ТВ в прайм-тайм, парламент) или периферийными (подземный переход или кафе с малой проходимостью), либо обладать особой символической легитимностью (музеи и пространства искусства) [9. Р. 251]. При этом каждый тип пространства определяет свою структуру акторов, каналов, нарративов и эффектов.

Так, широкое и единовременное общественное внимание получают высказывания об инвалидности и болезни в федеральных СМИ. Достаточно вспомнить общественный резонанс и массовый сбор средств на лечение онкологического заболевания Ж. Фриске после подтверждения ее болезни от

первых лиц в эфире телепередачи «Пусть говорят» в прайм-тайм. Образ красоты, таланта, успешности и «искажения» этого образа болезнью, визуальное противопоставление «здорового тела» и «тела в инвалидной коляске» – символический ряд дискурса, который, с одной стороны, воспроизводит устойчивые стереотипы и клише, укрепляя образ жертвы и борьбы. С другой стороны, выводит тему онкологии в особый режим видимости, вопреки сложившемуся образу болезни, о повседневности которой не принято говорить.

Содержание категории инвалидности и доминирующие образы в дискурсах «престижных» публичных пространств могут определять восприятие категории и отношение к людям с инвалидностью в периферийных публичных пространствах. К примеру, «невидимость» повседневности и ограниченный набор доминирующих мифов о людях с аутизмом определяют барьеры в коммуникации и «отторжение» инаковости этой социальной группы в публичных пространствах улиц, кафе, школ. Вспомним получивший широкую огласку случай с сестрой известной фотомодели и общественного деятеля Натальи Водяновой, которую отказались обслуживать в кафе в Нижнем Новгороде [12]. Или случай с группой детей с аутизмом, которых не пустили на экскурсию в московский океанариум [13]. К тому же «нагруженность» категории инвалидности символами маргинальности, нищеты и отверженности постоянно восполняется повседневными практиками попрошайничества на улицах, в переходах и общественном транспорте.

Отличительными свойствами и эффектами, структурой практик и типами акторов характеризуются публичные пространства, обладающие особой символической легитимностью. В упомянутой выше типологии А. Адата – это «artistic public places» [9. P. 251], т.е. пространства символического и культурного производства. Можно предположить, что здесь в процессе публичной коммуникации главную роль играет не столько фактор массовости и доступности, сколько содержание коммуникации и ее долгосрочные эффекты. Примерами таких пространств коммуникации могут служить социокультурные проекты, инициированные общественными организациями и представителями творческих профессий: крупные кино- и артфестивали («Кино без барьеров» 2002–2016, «БезГраниц: тело общество, культура», 2014), театральные проекты («Театр Простодушных», «Театральная перспектива», «Класс мира», интегративные постановки «Неприкасаемые» и «Отдаленная близость»). Категории инвалидности и инаковости становятся символическим ресурсом и особыми резервуарами смыслов, которые производятся в таких перформативных пространствах. С одной стороны, для сообщества людей с инвалидностью в границах таких пространств существуют риски резервации и воспроизводства устойчивых стереотипов, подобно «шоу фриков», с другой – в таких форматах люди с инвалидностью могут высвободиться от давления стигмы, пересматривать основания собственной и коллективной идентичности, примеряя на себя альтернативные роли и интерпретации. Пожалуй, главное преимущество, которым обладают подобные социокультурные проекты, если категория инвалидности не эксплуатируется для воспроизводства стереотипов, а площадка не закрывается сама на себе, – это долгосрочный эффект контакта широкой публики с человеком с инвалид-

ностью в альтернативной роли. Погружение стороннего зрителя в инаковую повседневность, наполнение категории инвалидности собственными смыслами на основании нового опыта и альтернативной информации.

В последние годы можно отметить подъем издательской активности и процесс формирования собственной ниши темы инвалидности на рынке российской печатной литературы. К примеру, лишь в 2016 г. на полках крупных книжных магазинов можно было встретить сразу несколько изданий, где разные авторы предлагали свое понимание инвалидности, основываясь на нарративах представителей сообщества людей с инвалидностью. Это автобиографическая история Е. Воскобойниковой «На моем месте» в соавторстве с А. Чуковской, истории участников фотографического проекта «Акрополь: как я нашел свое тело», собранные В. Дорофеевым и соавторами в книге «Люди с безграничными возможностями», истории родителей детей с синдромом Дауна, рассказанные М. Комлевым в своего рода практическом руководстве «Как общаться с солнечными детьми?». Указанные издания отличительны еще и тем, что, пожалуй, это одни из первых в России коллективные попытки журналистов и писателей рассуждать о теме инвалидности в соавторстве с самими людьми с инвалидностью, непосредственное погружение авторов в повседневность социального опыта стигмы. «Опубличенные» истории политиков, журналистов, общественных деятелей, актрис и спортсменов И. Ясиной, Е. Воскобойниковой, И. Хакамады, Э. Бледанс, М. Терентьева, И. Граждановой бросают своеобразный коллективный вызов обществу в традициях классического лозунга «личное – это политическое» [10, 11], перепределяя нормальность, расширяя границы идентичности, умножая режимы видимости и способы признания сообщества людей с инвалидностью.

Из описанных выше типов пространств и содержаний коммуникации, пожалуй, лишь некоторые социокультурные и авторские литературные проекты могут быть примером рационально-критической дискуссии в терминах модели публичной сферы Ю. Хабермаса [7, 8]. Каковы альтернативные точки зрения исследователей, которые позволят нам отнести другие типы пространств и дискурсов к публичной сфере инвалидности? В отличие от Ю. Хабермаса, исследователи проекта «Shaping Abortion Discourse» понимают публичную сферу как композицию «форумов» – публичных пространств, их содержаний, ролевых и статусных характеристик акторов и публики. Своеобразным ядром публичной сферы, как утверждают исследователи, выступает медиа-дискурс. Предпосылкой такой позиции является предположение о том, что в медиа-дискурс так или иначе включается каждый член общества. В его пространстве репрезентируются (часто в очень селективном и упрощенном виде) дискурсы других форумов (политические партии, социальные движения, научное сообщество, законодательные инициативы), акторы которых измеряют свою эффективность в зеркале медиа (в каких СМИ представлено высказывание или решение, как его комментируют и т.д.) [6. P. 10]. При этом традиционные влиятельные медиа (ТВ, федеральная пресса) могут зачастую уступать место интерактивным интернет-изданиям и социальным сетям.

Сегодня исследователи много говорят о рисках и преимуществах, которые несет в себе этот тип коммуникации и измерение публичной сферы [14, 15]. Можно предположить, что по своим характеристикам площадки интер-

нет-коммуникации в определенных контекстах могут обретать статус как «престижных» публичных пространств, так и пространств, обладающих особой символической легитимностью по аналогии с арт-площадками. Преимущества интернет-коммуникации позволяют «смягчить» углы приписываемой стигмы, включить private практики в более широкий социокультурный и политический контекст, выстраивать особые стратегии индивидуальной и коллективной идентичности. Очевидно, что немногочисленные и малоизвестные акции в офлайне могут ценою малых человеческих и временных ресурсов стать более эффективными и вызвать сильный резонанс, если поместить их в интернет-пространство. Здесь скорость реакции и ожидания публики могут привести к умножению эффектов дестигматизации, а само взаимодействие станет более доступным и «безопасным» для человека с инвалидностью. Такие ресурсы интернет-коммуникации используют общественные и правозащитные кампании, представители сообщества людей с инвалидностью в своих коллективных и индивидуальных инициативах. Интересной иллюстрацией подобных свойств и эффектов интернет-коммуникации может служить успех бьюти-блоггера Лили Ло. Девушка с синдромом Олбрайта<sup>1</sup> из Набережных Челнов создала свой бьюти-блог на платформе YouTube в феврале 2014 г. За два года ей удалось собрать около 12,8 миллионов просмотров и больше 173 тыс. подписчиков. Примечательно, что после публикации статьи «Перед блоггом все равны» об истории Лилии в тематическом интернет-издании «Такие дела» в мае 2016 г. [16] количество просмотров блога увеличилось практически в два раза за временной промежуток около полугода. Используя ресурсы популярного интернет-тренда, девушка сумела нивелировать границы private и public и переформатировать как собственную идентичность, так и public восприятие своей инвалидности.

Анализируя потенциал и ограничения доминирующего в социологии подхода к пониманию public сферы, а также современные трансформации public коммуникации, американский социолог А. Адат приходит к выводу о том, что в доминирующем подходе само понятие коммуникации в public сфере остается своеобразным «чёрным ящиком». Основное внимание теоретиков и исследователей уделяется проблеме равноправного и вовлеченного участия, а также особой этике взаимного согласия, основанного на рационально-критическом диалоге. При этом, утверждает ученый, сама по себе возможность вступления широкой публики в диалог, а также возможности доступа к некоторым «престижным» public пространствам (таким, как парламент или элитарные медиа) остаются в стороне и не объясняются существующими подходами в теориях public сферы. В своем альтернативном подходе Адат предлагает отступить от утопического идеала рационально-критического диалога, оставив его возможным лишь для некоторых типов коммуникации в public сфере, и обратиться к проблеме режимов или способов доступа к коммуникации в public сфере [9. Р. 242–243]. Исследователь выделяет три режима доступа:

---

<sup>1</sup> Редкое генетическое заболевание, нарушающее процесс формирования скелета и ограничивающее возможности ходить

- 1) физический – непосредственное участие (улица, кафе, демонстрация);
- 2) режим репрезентации – опосредованное участие через упоминание имени, образа, высказывания (пресса, ТВ, книга, суд);
- 3) сенсорный режим – содержание коммуникации доступно нашим органам чувств, включая аффективные реакции (это и чтение-рассуждение о статье в газете, и чувства и эмоции при просмотре театральной постановки).

Иными словами, Адат предлагает понимать публичную сферу как общий термин, определяющий все виртуальные или реальные пространства, содержание которых видимо или слышимо. Пространство здесь – это любой «резервуар» знаков и символов, которые могут быть доступны сенсорно, напрямую или опосредованно. Подход американского исследователя, основанный на «семиотике видимости» («semiotics of visibility»), предлагает возможности понимания таких пространств и форматов коммуникации в публичной сфере инвалидности, в которых зачастую невозможна рационально-критическая дискуссия, но возможен эффект переопределения норм и границ понятия инвалидности, наполнение ее альтернативным содержанием за счет знаково-символических и перформативных ресурсов публичной сферы, динамики общественного внимания и новых режимов видимости (как, к примеру, в описанных случаях с болезнью Ж. Фриске или бьюти-блогом Лили Ло).

### **Риски и негативные эффекты «опубличивания» категории инвалидности**

Однако существует и обратная сторона «опубличивания». Во-первых, как уже упоминалось выше, это риски производства и закрепления стереотипных представлений, а также эксплуатация образов и высказываний, утилизирующих внимание публики и оказывающих деструктивное влияние на индивидуальную и коллективную идентичность людей с инвалидностью. Несмотря на тот факт, что категория инвалидности всё чаще появляется в публичной сфере в прогрессивных по содержанию и форме режимах видимости, масс-медиа и продукты массовой культуры по-прежнему склонны обращаться к чувствительным историям «борьбы и преодоления», эксплуатировать образы «героев» и «жертв», апеллировать к жалости [17]. В разные временные периоды, в разных пространственных и дискурсивных контекстах мы можем наблюдать резонансные сюжеты и скандалы вокруг тех или иных тем и проблем людей с инвалидностью [18].

Во-вторых, категория инвалидности настолько «перегружена» политическим и эмоциональным содержанием, что зачастую избираются стратегии избегания или замалчивания важных тем и проблем в ходе публичных дискуссий (к примеру, темы инвалидной сексуальности, сексуального насилия и смертности детей с инвалидностью в закрытых интернатных учреждениях).

В-третьих, социально-политические события последних лет провоцируют негативные тенденции «усталости» от так называемой политкорректности (вспомним недавно вызвавший интерес публики тест «Медузы» [19] или символическое противостояние актрисы Мерил Стрип и президента США Дональда Трампа, который в одной из избирательных речей передразнил журналиста с инвалидностью [20]). В таких репрессивных контекстах умно-

жение форматов видимости стигматизированных социальных групп в публичной сфере может иметь обратный эффект – стихийное формирование контрпублики и отягощение стигмы. Яркой иллюстрацией такого эффекта может служить недавний пример крайне агрессивной риторики главного редактора радиостанции «Комсомольская правда» Е. Арсюхина как реакция на массовую популярность в России американского актера, писателя и общественного деятеля Ника Вуйчича [21]. В статье «Ник Вуйчич и отказ от эволюции. К чему зовут поклонники человека без рук и без ног», размещенной на сайте «Комсомольской правды», журналист назвал поклонников Вуйчича «адептами, которые на самом деле испытывают к своему кумиру жалость, а то и отвращение», что, по мнению автора, естественно, ведь «отвращение к “уродству”, к болезни и самой смерти заложено в нас эволюцией», а «дефектные особи не должны дать потомства». Важным эффектом такой риторики стало массовое публичное осуждение Арсюхина как со стороны профессиональных журналистов (петиция, инициированная К. Потупчик, высказывания В. Познера, А. Венедиктова, М. Алешковского и др.), так и со стороны широкой публики. В результате статья была удалена с сайта федерального издания, но журналист не принес публичные извинения Вуйчичу и читателям.

По мнению исследователей, понимание описанных рисков и противоречивых измерений публичной сферы невозможно без использования ресурсов социологии норм и социального контроля, более пристального изучения феноменов цензуры, моральных и этических табу [9. Р. 255–256], закономерностей и эффектов «символической политики» [22]. Привлечение таких ресурсов поможет понять, как властные акторы и институты конкурируют за содержание дискурсов публичной сферы, конструируют общепринятые понятия и нормы, используют «моральные атаки» на социально уязвимые группы в политических и идеологических интересах.

Таким образом, преимущества использования концепции публичной сферы как теоретико-методологической рамки для изучения категории инвалидности заключаются в возможностях комплексного анализа разных уровней и контекстов коммуникации, типов дискурсов, акторов и форматов высказываний. Рассмотренные измерения публичной сферы и эмпирические иллюстрации показывают, что изучение категории инвалидности невозможно вне взаимосвязи с понятиями политического конфликта, символического производства и символической политики, социального контроля и социальных норм, коллективной и индивидуальной идентичности, ресурсов семиотики. Интересной и важной задачей, по мнению автора статьи, является систематизация разных типов дискурсов и риторик, которые формируют представления о феномене инвалидности в современном российском обществе, а также типов акторов и каналов коммуникации, которые производят и воспроизводят определенные доксы и аргументы, делают тему инвалидности заметной в публичной сфере, руководствуясь тем или иным репертуаром мотивов и практик. Решение таких задач возможно как с помощью инструментов контент- и дискурс-анализа, так и с привлечением ресурсов качественных методов.

## Литература

1. *Всемирный доклад об инвалидности. Резюме/ Всемирная организация здравоохранения*, 2011. [Электронный ресурс] [http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/70670/7/WHO\\_NMH\\_VIP\\_11.04\\_rus.pdf?ua=1](http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/70670/7/WHO_NMH_VIP_11.04_rus.pdf?ua=1)
2. *Goodley D. Disability Studies: An Interdisciplinary Introduction*. London: SAGE Publications Ltd., 2011. 232 p.
3. *Суковатая В. Другое тело: инвалид, урод и конструкции дизабилити в современной культурной критике// Неприкосновенный запас*. 2012. № 83 (3). [Электронный ресурс] <http://www.nlobooks.ru/node/2282>
4. *Grue J. Disability and Discourse Analysis*. Farnham: Ashgate. 2015.
5. *Grue J. Disability and discourse analysis: Some topics and issues// Discourse and Society*. 2011. Vol. 22, № 5. P. 532–546.
6. *Shaping Abortion Discourse: Democracy and the Public Sphere in Germany and the United States/ by M. M. Ferree, W. A. Gamson, J. Gerhards and D. Rucht*. New York: Cambridge University Press, 2002.
7. *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Boston: MIT press, 1991.
8. *Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // by Calhoun C.J. (ed.) Habermas and the Public Sphere*. Cambridge Mass.: MIT Press, 1992. P. 425–429.
9. *Adut A. A Theory of the Public Sphere// Sociological Theory*. 2012. Vol. 30, № 4. P. 238–262.
10. *Hanisch C. The Personal Is Political*. 1969 [Электронный ресурс] <http://www.carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html>
11. *Ярская-Смирнова Е. Стигма «инвалидной» сексуальности // В поисках сексуальности: сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
12. *«Вопиющий случай с сестрой Наталии Водяновой произошел в одном из кафе Нижнего Новгорода»// Первый канал*. 13 августа 2015 [Электронный ресурс] [https://www.1tv.ru/news/2015/08/13/13396-vopiyuschiy\\_sluchay\\_s\\_sestroy\\_natalii\\_vodya-novoyu\\_proizoshel\\_v\\_odnom\\_iz\\_kafe\\_nizhnego\\_novgoroda](https://www.1tv.ru/news/2015/08/13/13396-vopiyuschiy_sluchay_s_sestroy_natalii_vodya-novoyu_proizoshel_v_odnom_iz_kafe_nizhnego_novgoroda)
13. *«В московский океанариум не пустили детей-аутистов»// Первый канал*. 28 апреля 2012 [Электронный ресурс] [https://www.1tv.ru/news/2012/04/28/101017-v\\_moskovskiy\\_oceanarium\\_ne\\_pustili\\_detey\\_autistov](https://www.1tv.ru/news/2012/04/28/101017-v_moskovskiy_oceanarium_ne_pustili_detey_autistov)
14. *Fuchs C. Social media: A critical introduction*. London: Sage, 2014
15. *Антонюк А. Виртуальная публичная сфера: потенциал демократизации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016. № 1 (33). С. 144–152.
16. *«Перед блогом все равны» // Такие дела*, А. Сахарова. 5 мая 2016 [Электронный ресурс] <https://takiedela.ru/2016/05/pered-blogom-vse-ravny/>
17. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Репрезентация инвалидов в массовой культуре// Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России*. Саратов: Научная книга, 2006.
18. *Вербилевич О. Механизмы формирования идентичности в публичной сфере инвалидности // Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11, № 2. С. 257–272.
19. *«Насколько вы политкорректны? Тест «Медузы», основанный на реальных событиях»// Медуза*. 24 ноября 2016. [Электронный ресурс]. <https://meduza.io/games/naskolko-vy-politkorrektny>
20. *США: Мерил Стрип vs. Дональд Трамп // Euronews*. [Электронный ресурс] <http://ru.euronews.com/2017/01/09/meryl-streep-launches-scathing-critique-of-donald-trump>
21. *«Колонка об «эволюции». Цепочка событий. Почему «Комсомолка» удалила текст, написанный в поддержку Ника Вуйчича» // Медуза*. 18 апреля 2016. [Электронный ресурс] <https://meduza.io/feature/2016/04/18/colonka-o-defektnyh-osobyah-tseepochka-sobytyi>
22. *Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России*. М.: ИНИОН РАН, 2013.

**Verbilovich Volha E.** National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: [verbilovich.olga@gmail.com](mailto:verbilovich.olga@gmail.com)

DOI: 10.17223/1998863X/37/20



## MODES AND FORMATS OF VISIBILITY OF THE CATEGORY OF DISABILITY IN PUBLIC SPHERE

**Key words:** *disability, public sphere, public discourse, semiotics of visibility*

Modern technologies and social networks make people with disabilities active and visible in the public sphere. The “otherness” of the private life of a person with disability is brought in the focus of art and media projects, programs of social research. But the appearance of the category of disability in the public sphere is still understudied. The article reveals theoretical and methodological resources of the concepts of public sphere for sociological interpretations and empirical measurements of the disability issues. The author discusses the controversial nature of the existing theoretical models of disability understanding. The comparison of the classical model of public sphere by J. Habermas and modern discursive and semiotic theories are exposed. The frontiers between the “discourse” and the “public sphere” issues are specified. Modern alternative approaches to public sphere understanding provide the researchers with clearer interpretations and measurements of spatial and content characteristics of public sphere of disability. The “semiotic of visibility” opens new perspectives, which enable the important role of the symbolic interactions and political conflict in different types of public spaces and relevant discussions. The empirical illustrations show, how and when the category of disability become visible in public sphere. As far as what effects and constrains different modes of visibility can bring to the public understanding of the category of disability and the identity of the community of people with disabilities.

### References

1. WHO. (2011) *Vsemirnyy doklad ob invalidnosti. Rezyume* [The World Report on Disability. Summary]. [Online] Available from: [http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/70670/7/WHO\\_NMH\\_VIP\\_11.04\\_rus.pdf?ua=1](http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/70670/7/WHO_NMH_VIP_11.04_rus.pdf?ua=1).
2. Goodley, D. (2011) *Disability Studies: An Interdisciplinary Introduction*. London: SAGE.
3. Sukovataya, V. (2012) *Drugoe telo: invalid, urod i konstruktzii dizabiliti v sovremennoy kul'turnoy kritike* [A different body: A disabled person, a freak and the construction of disinfestation in contemporary cultural criticism]. *Neprikosnovennyi zapas – NZ. Debates on Politics and Culture*. 83(3). [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/2282>.
4. Grue, J. (2015) *Disability and Discourse Analysis*. Farnham: Ashgate.
5. Grue, J. (2011) Disability and discourse analysis: Some topics and issues. *Discourse and Society*. 22(5). pp. 532–546. DOI: 10.1177/0957926511405572
6. Ferree, M.M., Gamson, W.A., Gerhards, J. & Rucht, D. (eds) *Shaping Abortion Discourse: Democracy and the Public Sphere in Germany and the United States*. New York: Cambridge University Press.
7. Habermas, J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Boston: MIT press.
8. Habermas, J. (1992) Further Reflections on the Public Sphere. In: Calhoun, C.J. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge Mass.: MIT Press. pp. 425–429.
9. Adut, A. (2012) A Theory of the Public Sphere. *Sociological Theory*. 30(4). pp. 238–262.
10. Hanisch, C. (1969) *The Personal Is Political*. [Online] Available from: <http://www.carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html>.
11. Yarskaya-Smirnova, E. (2002) Stigma “invalidnoy” seksual'nosti [The stigma of “invalid” sexuality]. In: Zdravomyslova, E. & Temkina, A. (eds) *V poiskakh seksual'nosti* [In search of sexuality]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
12. Pervyy kanal. (2015) *Vopiyushchiy sluchay s sestroy Natalii Vodyanovoy proizoshel v odnom iz kafe Nizhnego Novgoroda* [A blatant incident with Natalia Vodianova's sister took place in one of Nizhny Novgorod cafes]. August 13. [Online] Available from: [https://www.itv.ru/news/2015/08/13/13396-vopiyushchiy\\_sluchay\\_s\\_sestroy\\_natalii\\_vodya-novoy\\_proizoshel\\_v\\_odnom\\_iz\\_kafe\\_nizhnego\\_novgoroda](https://www.itv.ru/news/2015/08/13/13396-vopiyushchiy_sluchay_s_sestroy_natalii_vodya-novoy_proizoshel_v_odnom_iz_kafe_nizhnego_novgoroda).
13. Itv.ru. (2012) *V moskovskiy okeanarium ne pustili detey-autistov* [Autistic children were not allowed into the Moscow aquarium]. April 28. [Online] Available from: [https://www.itv.ru/news/2012/04/28/101017-v\\_moskovskiy\\_okeanarium\\_ne\\_pustili\\_detey\\_autistov](https://www.itv.ru/news/2012/04/28/101017-v_moskovskiy_okeanarium_ne_pustili_detey_autistov).
14. Fuchs, C. (2014) *Social media: A critical introduction*. London: Sage.
15. Antonyuk, A. (2016) Virtual public sphere: the potential of democratization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya – Tomsk State University*

*Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(33). pp. 144–152. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/33/15

16. Sakharova, A. (2016) *Pered blogom vse ravny* [Everyone is equal before the blog]. May 5, 2016. [Online] <https://takiedela.ru/2016/05/pered-blogom-vse-ravny/>

17. Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2006) *Politika invalidnosti: Sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii* [Disability policy: Social citizenship of disabled people in modern Russia]. Saratov: Nauchnaya kniga.

18. Verbilovich, O. (2013) Identity Forming Mechanisms in Public Sphere of Disability. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 11(2). pp. 257–272. (In Russian).

19. Meduza. (2016a) *Naskol'ko vy politkorrektny? Test “Meduzy”, osnovanny na real'nykh sobyitiyakh* [Are you politically correct? The Medusa test, based on real events]. November 24, 2016. [Online] Available from: <https://meduza.io/games/naskolko-vy-politkorrektny>.

20. Euronews. (2017) *SShA: Meril Strip vs. Donal'd Tramp* [United States: Meryl Streep vs. Donald Trump]. [Online] Available from: <http://ru.euronews.com/2017/01/09/meryl-streep-launches-scathing-critique-of-donald-trump>.

21. Meduza. (2016b) *Kolonka ob “evolyutsii”. Tsepochka sobyitij. Pochemu “Komsomolka” udalila tekst, napisanny v podderzhku Nika Vuychicha* [A column about “evolution.” The chain of events. Why did “Komsomolskaya Pravda” remove the text written in support of Nick Vuychich?]. April 18, 2016. [Online] Available from: <https://meduza.io/feature/2016/04/18/kolonka-o-defektnykh-osobyah-tsepochka-sobyitij>.

22. Malinova, O.Yu. (2013) *Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii* [The construction of meanings: The study of symbolic politics in modern Russia]. Moscow: INION RAN.